

Действующие экономические механизмы для привлечения инвестиций включают:

- преференциальные режимы для привлечения инвестиций в развитие территорий (предоставление в аренду земельного участка без проведения аукциона, освобождение от ввозных пошлин и НДС технологического оборудования, освобождение от налога на прибыль и от таможенных платежей при условии нахождения в свободной экономической зоне);
- экономические механизмы стимулирования создания новых предприятий, а также реализация проектов по модернизации действующих предприятий.

Основными стимулами для привлечения инвесторов к реализации проектов в городах-спутниках являются:

- заключение инвестиционного договора с Республикой Беларусь;
- применение режима малых и средних городских поселений (Декрет Президента Республики Беларусь № 6 – освобождение от налога на прибыль в течение 7 лет, предоставление льгот коммерческим организациям).

В целях стимулирования привлечения рабочей силы в города-спутники предлагается в Государственной программе содействия занятости населения на 2016–2020 годы предусмотреть: выплату денежных средств при переселении в город-спутник, выделение бюджетных средств на приобретение для создания новых рабочих мест.

Механизмы стимулирования жилищного строительства.

В целях стимулирования жилищного строительства в городах-спутниках необходимо закрепление в нормативно-правовых актах Республики Беларусь следующих принципов:

- сокращение в г. Минске льготных категорий граждан;
- снижение объемов строительства жилья с государственной поддержкой в г. Минске с одновременным увеличением таких объемов в городах-спутниках;
- увеличение стоимости земельного участка для строительства жилья в г. Минске и приобретение земельного участка только с аукциона;

- создание условий для снижения стоимости строительства коммерческого жилья в городах-спутниках на 15–20% ниже рыночной стоимости в Минске и других.

Привлечению в города-спутники населения будет способствовать строительство арендного жилья в объеме не менее 25%, в том числе на условиях государственно-частного партнерства. Строительство инженерных сетей осуществлять за счет средств Минского горисполкома и облисполкома.

Заключение. Реализация градостроительной политики, исходя из приоритетных задач, позволяет осуществлять поэтапный переход страны к устойчивому развитию, решая вопросы от системы расселения, транспортной и инженерной инфраструктур, планировки населенных пунктов до уровня районов застройки и качества городской среды. После утверждения генеральных планов городов-спутников республика перешла к циклу агломерационного развития. Качественно изменяются и внедряются новые подходы к проектированию генеральных планов городов и проектов детальной планировки районов застройки.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Савич, Т. Республиканская строительная газета. – № 13 (658): Градостроительство: контуры будущего. – Минск, 2016.
2. Концепция развития городов-спутников города Минска. Министерство архитектуры и градостроительства Республики Беларусь, Министерство экономики Республики Беларусь. – Минск, 2016.
3. НИР Провести исследования и разработать методические рекомендации по проектированию нового модуля жилого района в населенных пунктах в соответствии с принципами безопасности, комфортности и эффективности – УП БЕЛНИИПГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА, рук. Власюк Н.Н. – Об.№16.13. – № гос. рег. 20130953. – Минск, 2013.

Материал поступил в редакцию 23.01.2017

ULASIUK M. M. Urban policy of Belarus in the context of the formation of Minsk agglomeration

The article analyses the implementation of urban policy of the past and new directions of urban development that need to be guided in the development of project documentation. Identifies four priority areas: 1) balanced development of regions and settlements; 2) the integrated development environment of human settlements; 3) improving the system of regional and urban transport networks, modernization of engineering infrastructure; 4) harmonious development of architectural-planning structure of settlements taking into account the preservation of historical and cultural heritage. The solution to these issues will help in 2016–2020 to ensure the comprehensive development of regions and towns of Belarus, to move the country to a cycle of agglomeration development, to create additional conditions for increasing the volume of housing construction, to improve the efficiency of use of urban territories.

УДК 72.025.4/5 (476)

Давидюк Э.А., Смитиенко И.В.

ВОССОЗДАНИЕ ОБЪЕКТОВ АРХИТЕКТУРЫ: СОВРЕМЕННАЯ ПРАКТИКА БЕЛАРУСИ

Введение. Считается, что процесс воссоздания утраченных объектов архитектуры – это исключение из правил. Почти все исследователи (Д. Лихачёв, И. Игнаткин, С. Подъяпольский, В. Лисовский, В. Косточкин, Ж. Синицина, О. Баженова), за редким исключением (Ю. Бобров, Ю. Захарина) считают воспроизведённые объекты макетами, а не символами. Они не рассматривают возможность замещения утраченного здания достойным возрождённым объектом. Для обозначения воссозданных архитектурных объектов ими употребляются термины новодел, макет, театральная декорация, фальсификат. В частности, О. Пруцин [1, с. 32] под новоделом подразумевает полное восстановление исторических зданий по сохранившимся обмерам и документам. Эти исследователи считают, что в редчайших случаях воссозданные объекты архитектуры, могут иметь некоторую ценность.

В. Косточкин отмечает, что проделанная работа по воссозданию утраченных объектов архитектуры может выйти за рамки понятия фальсификат [2, с. 48]. «Любая древность, воспроизведённая заново, будет древностью только в кавычках – «древностью», воспроизведённая человеком нашего времени, а не мастером прошлого, не подлинником, а повтором подлинника, т. е. всего-навсего макетом, возможно, выполненным очень талантливо. Давая зрительное представление об утраченном подлиннике, такой макет, как и любая хорошо сделанная копия, никогда не обретёт ценности подлинника» [2, с. 50]. В отличие от В. Косточкина предлагается к рассмотрению следующая концепция, в которой воссозданные здания рассматриваются не в качестве фальсификатов, а как символы традиций. Такие объекты архитектуры передают в осмысленной форме древние

Давидюк Элла Александровна, старший преподаватель кафедры архитектурного проектирования и рисунка Брестского государственного технического университета.

Смитиенко Игорь Викторович, старший преподаватель кафедры архитектурного проектирования и рисунка Брестского государственного технического университета Беларусь, БрГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.

установки этноса в различных сферах. В частности, на основе изучения символов создаётся образ современной архитектуры. Современная культура, имея в своем арсенале качественно воссозданные здания, получает разнообразные варианты трактовки символического воспроизведения ценностных категорий архитектурного творчества, что создаёт возможность их осмысления. «Символ вещи, данный при помощи какого-нибудь изображения или без него, всегда есть нечто оформленное и упорядоченное. Он содержит в себе всегда какую-то идею, которая оказывается законом всего его построения» [3, с. 41]. Создавая символ, необходимо задействовать мыслительный процесс, обрабатывающий предмет в целях включения его в систему. В итоге требуется как изучение законов построения архитектурной формы, так и постижение её пространственного расположения. Символ вещи невозможен без выражающего его знака [3, с. 42]. Прежде чем приступить к воссозданию, нужно определить, в каком виде оно будет осуществлено. Требуется выяснить отношение к копии, знаку, символу в воссоздании. В этой связи необходимо рассмотреть трактовку понятия симулякр.

Симулякр – это понятие, согласно концепции Ж. Бодрийра [4, с. 23], выражено в имитации реальности и является заключительным этапом формирования знака, имеет несколько ступеней развития. Первый порядок – отражение базовой реальности, в результате которого получают копии, например портретная фотография. Второй порядок – последующее искажение и маскировка данной реальности. Класс функциональных аналогий, например грабли как функциональная аналогия руки. Третий порядок – подлог реальности и сокрытие её непосредственного отсутствия. Класс симулякров, знаков в которых нет больше модели. Четвёртый порядок – полная утрата всякой связи с реальностью, переход знака из строя обозначения (видимости) в строй симуляции, то есть обращение знака в собственный симулякр. Эта система прослеживает путь от достоверного воспроизведения образа до его полного отсутствия в симулякрах, которые скрывают то, что этого образа нет.

Использование этой системы позволило определить глубину трансляции образа утраченного здания при воссоздании белорусских объектов архитектуры. Установлено, что воссоздаваемые объекты архитектуры могут быть симулякрами в плане формы, строительных материалов, конструктивных приёмов и т. д. (рисунок 1).

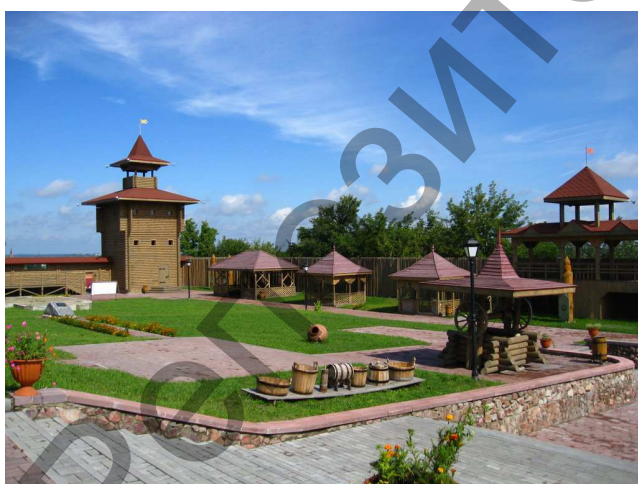

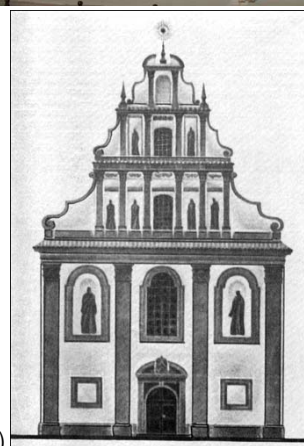
Рисунок 1 – Мозырский замок

1. Здания-копии. Рассмотрим церковь Святого Духа в Минске (рисунок 2), которая является копией прежнего здания, но не транслирует его образность. Воспроизведение храма из современных материалов, потеря фасадом функции иконостаса, так же как и утраченная функция культового здания, не позволяют выстроенному заново объекту быть отождествлённым с прежним памятником архитектуры. Л. Леликов [5, с. 21] и В. Косточкин [2, с. 50], не считают возможным повторения образа объекта архитектуры при его воссоздании. В таком случае копия будет транслировать только изобра-

жение здания. Но транслировать образ можно, если создание его подразумевало осмысление формы, конструктивных пространственных, временных аспектов воссоздаваемого объекта, что и осуществлено в зданиях-символах. А. Ополовников полагает, что формирование образа объекта архитектуры, выполненного из дерева, проявляется в отношении к этому строительному материалу, как к материалу искусства. Здесь учитывается и его обработка, символика форм, отношение к конструкциям. По-другому рассматривают подход к образности В. Косточкин и Л. Леликов. Они считают, что воссозданные объекты являются макетами зданий. Однако автор полагает возможным рассмотрение следующей позиции, которая заключается в том, что если не касаться памятников искусства, которые ценны своей неповторимостью, то образный строй рядовых, типичных построек не столь индивидуален, их можно воссоздавать. В таких объектах архитектуры заложены другие функции, не только эстетические. Это же касается стиля объекта, типичности элементов декора. Если рассматривать индивидуальные изделия, то воссоздавать их бессмысленно, как и произведения искусства. Воспроизведению подлежат типичные элементы, чья повторяемость в других объектах архитектуры этого же мастера легко прослеживается. Позиция А. Ополовникова [6, с. 27] и Д. Лагутёнок [7, с. 26–29] по данному вопросу более приемлемая, позволяет утверждать, что образ может формироваться как одухотворённостью формы и материала объекта, так и логикой композиционного и конструктивного построения зданий, отвечающих мировоззренческим представлениям эпохи.

а)

б)

а – современный вид; б – первоначальный вид

Рисунок 2 – Церковь Святого Духа в Минске

2. Здания-символы. Воссоздание является трансляцией определённой информации об эпохе, её эстетических и этических представлениях. Идея здания символически присутствует в его архитектурной форме, конструкциях и композиции. Здания-символы – это трансляторы идеи архитектурного объекта, выраженные в его пространственных, материальных и временных составляющих. Воссоздание Могилёвской ратуши, было выполнено с учётом этих особен-

ностей. Воспроизведён образ утраченного памятника. Этому способствовало то, что новое здание выстраивали по сохранившимся чертежам. Был выбран именно тот вид объекта архитектуры, который соответствовал сохранившемуся окружению. Точный повтор здания 1773 г., когда ратушу перестроили и придали ей вид в соответствии с остальным ансамблем губернских учреждений, позволил удачно вписаться в архитектурное окружение. Воспроизведены конструктивные особенности предшествующего объекта архитектуры, частично применены строительные материалы аналогичные подлинным. Здание является достоверной копией оригинала. Это по-прежнему доминанта в застройке центра Могилёва (рисунок 3).

Рисунок 3 – Возрождённая Могилёвская ратуша

3. Здания-макеты или театральные декорации. Сущность данного понятия не имеет ничего общего с лексическим значением слова, согласно толковому словарю, так как макет или театральная декорация в данном случае, это не уменьшенные объекты архитектуры, выполненные из картона, а реальные здания-макеты или здания-декорации, существующие в искажённом виде. В таких постройках искажаются размеры, отсутствуют конструктивные и функциональные особенности утраченного памятника. Нельзя пренебрегать логикой масштабного соответствия, она должна обязательно сохраниться. Если эта логика не транслируется, то сооружение выступает в виде макета или декорации. К таким объектам можно отнести Мозырский замок. В воспроизведённом древнем городище в Мозыре возвели упрощённый макет, который разместили там, где в древности находилось городище. На сегодняшний день не существует единого мнения по поводу того, в каком виде должны быть воссозданы объекты архитектуры. В. Косточкин [2, с. 51–52] и И. Игнаткин [8, с. 152] считают возможным воспроизводить здание в виде павильона, в котором будет представлен миниатюрный макет объекта архитектуры в качестве его проекта. Они подтверждают, что, в случае сокращения размеров древнего здания, вновь выстроенный объект архитектуры будет лишь декорацией. Снижение масштаба воспроизводимых зданий не должно происходить, так как это будет нарушением пропорций композиции градостроительного элемента или ансамбля. Уменьшенные размеры объектов Мозырского замка, в частности церкви Преображения, построенной на месте храма Святого Спаса, дискредитируют исторический образ строений. Если это миниатюрный макет храма, а не реально воссозданное здание в уменьшенном масштабе, то он даёт нам представление об общей композиции, образе объекта архитектуры, соотношениях рельефа и зданий между собой. Другое дело уменьшенные копии, воссозданные в натуре. Здесь нарушены пропорциональные соотношения между рельефом, человеком и размером самих зданий. Значит, такие макеты сразу воспринимаются декорацией и не воспроизводят те взаимодействия, которые изначально существовали в объектах архитектуры (рисунок 4).

Рисунок 4 – Церковь Преображения в Мозырском замке

4. Здания-знаки. Есть знаки, которые только обозначают объект, то есть их формы не наполнены смыслом, а есть и такие, которые превращены в символы, транслирующие глубину образа. Здание-знак – это «Духовской круглик» в Витебске (рисунок 5). Он выстроен без повторения образа древнего объекта. Существование возрождённых строений в виде стилизованного здания возможно, если они осуществляют функции объекта архитектуры, защищающего остатки фундамента. При воспроизведении в Витебске «Духовского круглика» возвели стилизованную постройку на месте фундамента существовавшего ранее памятника, которая носит название здания, чьи архитектурные особенности трактуются в искажённом, стилизованном виде. Если такое воссоздание имеет место, в сознании людей наступает подмена утраченного строения вновь возведённым объектом архитектуры в упрощённом виде. Это является так же недопустимым, так как даёт неправильное представление о формальных, конструктивных, технологических качествах древнего здания.

Рисунок 5 – «Духовской круглик» в Витебске

5. Здания-новоделы. К ним относится «Белорусская этнографическая деревня XIX века» (рисунок 6). Здесь сооружения выстроены в стилизованных, псевдоисторических формах, с коммерческой целью привлечения туристов. Таким образом, зданиям придаются имиджевые формы, в которых уже не скрывается тот факт, что они не имеют никакого обращения к историческому образу. Е. Кузьмина рассматривает, как в современной цивилизационной культуре постмодерна происходит подмена глубинного содержания образа, имиджевым, поверхностным. Это происходит в результате перерождения прежних традиций на пути к новой иерархии ценностей. При переходе культуры в

стадию цивилизации, который отмечается в современное время, имидж становится важным коммуникативным средством в отличие от образа. Имидж опустошает символы, лишает их правды образа [9, с. 38–41]. В «Белорусской этнографической деревне XIX века» дискредитации подвергнуты не только объекты архитектуры, но и природная среда. Понятие возрождаемого ландшафта сводится к вымощенным современными плитками дорожкам и высаженным вокруг них экзотическим цветам. Воссоздание в таких объектах ограничивается стилизацией под старину. Вновь сооруженные строения имеют функцию развлекательных объектов. Здесь уже даже не пытаются повторить особенности исторической постройки или технику её возведения, как и воссоздать былое окружение (рисунок 9). И всё это маскируется под воссоздание культурно-исторической среды, сохранение и реконструкция которой – это не просто её музеефикация. Эта среда должна быть органичной, контекстуальной как в «Белорусском государственном музее народной архитектуры и быта» (рисунок 7), где памятники объединены в группы с целью воссоздания быта усадьбы или крестьянского хозяйства (рисунок 8).

Рисунок 6 – «Белорусская этнографическая деревня XIX века»

Если о вновь возведенном здании заявляют как о символе создаваемого памятника, не следует вводить в его облик какие-либо существенные изменения. Памятник нужно воспроизводить из тех же строительных материалов, использовать те же технологические приемы, которые применялись при строительстве оригинала. Обозначение объекта как новодел может быть чисто условным. Достаточно совпадения места возведения, или нескольких форм, или функции. Все эти элементы должны быть возрождены вместе. Целостное воссоздание – это воссоздание не только формы, конструкции, пространственной композиции, но и образа архитектурного объекта. Символ вещи – это ещё не сама вещь. Мыслительный процесс превращает объект в символ. При воссоздании объекта архитектуры важно постигнуть идею построения художественной формы, пространства и передать их [3, с. 36].

Рисунок 7 – «Белорусский государственный музей народной архитектуры и быта»

Рисунок 8 – Взаимосвязь со средой в «Белорусском государственном музее народной архитектуры и быта»

Рисунок 9 – «Белорусская этнографическая деревня XIX века», ландшафт

Заключение. В результате анализа выявлены воссозданные сооружения в Беларуси с разной глубиной трансляции образа утраченного памятника архитектуры. Это здания: копии (в которых осуществлено достоверное повторение архитектурной формы сооружения без воспроизведения его образа); макеты (сооружения в которых искажаются размеры, отсутствуют конструктивные и функциональные особенности утраченного здания); знаки (которые только обозначают объект, но их формы не наполнены смыслом); новоделы (сооружения из новых строительных материалов, дискредитирующие историю, выдавая новое за старое); символы (разновидность зданий, которые воспроизводят общественную ценность и передают в осмысленной форме древние установки этноса в различных сферах).

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Пруцын, О.Н. Архитектурно-историческая среда / О.Н. Пруцын, Б. Рымашевский, В. Бурсевич; под ред. О.Н. Пруцына. – Москва: Стройиздат, 1990. – 408 с.
2. Косточкин, В.В. Проблемы воссоздания в архитектурном наследии / В.В. Косточкин. – Москва: Знание, 1984. – 64 с.
3. Лосев, А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство / А.Ф. Лосев. – 2-е изд., испр. – Москва: Искусство, 1995. – 320 с.
4. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр; перевод О.А. Печёнкина. – Тула, 2013. – 204 с.
5. Леликов, Л.А. Об эстетических критериях в реставрации / Л.А. Леликов // Художественное наследие. – 1990. – № 13. – С. 18–26.
6. Ополовников, А.В. Реставрация памятников народного зодчества / А.В. Ополовников. – Москва: Стройиздат, 1974. – 392 с.
7. Лагутёнок, Д.В. Можно ли говорить об ансамблевости застройки площадей небольших белорусских городов? / Д.В. Лагутёнок // Архитектура и строительство. – 2009. – № 5. – С. 26–29.
8. Игнаткин, И.А. Охрана памятников истории и культуры: справ. пособие / И.А. Игнаткин. – Киев: Выща школа, 1990. – 223 с.
9. Кузьмина, Е.С. От образа к симулякру: онтологическая капитуляция или новое творение человека / Е.С. Кузьмина // Вопросы культурологии. – 2011. – № 9. – С. 38–41.

Материал поступил в редакцию 26.01.2017

Строительство и архитектура

DAVIDYUK E.A., SMITIENKO I.V. *The recreation of objects of architecture: the modern practice of Belarus*

The article reveals the recreated structures of Belarus with different depth broadcast image of the lost monument. This building: copy (which implemented significant repetition of architectural forms without reproducing his image); models (structures in which distorted dimensions, no constructive and functional features of the lost buildings); signs (which only represent the object, but their shape is not meaningful); replica (structure of new building materials that discredit the story, giving new for old); symbols (a kind of buildings that create public value and transmit in a meaningful way to the ancient setup of the ethnic group in different spheres).

УДК 726.71 (476) (091)

Ожешковская И.Н.

ОБЪЕМНО-ПЛАНИРОВОЧНЫЕ РЕШЕНИЯ И ВНУТРЕННЕЕ УСТРОЙСТВО ДЕРЕВЯННЫХ ХРАМОВ БАЗИЛИАНСКИХ МОНАСТЫРЕЙ ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX вв.

Введение. Исследованием деревянного культового зодчества занимались многие известные ученые, несмотря на то, что в истории архитектуры существует приоритет в изучении каменного наследия. На рубеже XIX–XX вв. появляются первые исследования, посвященные данной тематике [1]. Для ранних работ характерен описательный характер, отсутствие архитектурно-художественного анализа и этнографический подход. Первая классификация деревянных храмов была сделана в середине XX в. [2], которая, несмотря на долгое применение в науке, не раскрыла полностью все особенности объемно-планировочных схем. Во второй половине XX в. в белорусской науке появляются труды ученых, посвященные деревянной сакральной архитектуре [3, 4, 5] с выявлением особенностей конструктивных и художественных приемов, взаимосвязью с каменной архитектурой и сравнительным анализом, связанным с развитием строительства сопредельных государств: России, Украины, Польши. Особенность деревянного зодчества заключается в творческом переосмыслении мировых художественных стилей через устойчивое сохранение местных традиций через систему конструктивных и художественных приемов, сложившихся в процессе эволюции и прошедших испытание временем [4, с. 21]. В тоже время проблема несохранившихся деревянных объектов не позволяет проследить все этапы развития белорусского народного зодчества и их взаимосвязь с другими регионами.

В особую группу памятников выделяет деревянные униатские храмы доктор архитектуры С. Сергачев [3, с. 193]. В своих исследованиях он подчеркивает особенности греко-католических деревянных храмов, которые произошли на основе синтеза форм православных и католических традиций. Это способствовало появлению новых композиционных приемов, которые были неизвестны в церковном и костельном строительстве [5, с. 443]. Тем не менее, необходимость дальнейшего исследования сложного и недостаточно изученного материала, касающегося деревянного зодчества греко-католиков, существует и сегодня.

На территории Беларуси время не пощадило ни одного деревянного монастыря ордена базилианов. Сохранилась только монастырская церковь в д. Лавришево Гродненского района. Единственными источниками информации, передающими описание исчезнувших монастырских храмов, по которым можно проследить особенности деревянного зодчества в условиях формирования греко-католических строительных традиций, являются исторические документы. На их основе были выявлены объемно-планировочные структуры некоторых базилианских храмов на примере Гродненской губернии и проведен опыт графической реконструкции.

Первоначально памятники архитектуры, рассматриваемые в статье, находились на территории Трокского воеводства, существовавшем административном делении времен Великого княжества Литовского. После третьего раздела Речи Посполитой в 1795 г. эти земли стали являться частью Слонимской, а затем Литовской губернии. В 1801 г. при очередном административном делении земли стали относиться к Гродненской губернии, одной из северо-западных

территорий Российской империи. Исчезнувшие базилианские монастыри располагались в Лавришево, м. Дарево, д. Хомске, м. Лыскове, д. Черлене, д. Новоселки и др.

Лавришевский монастырь в Новогрудском уезде имел богатую историю. Первоначально он был основан как православный «Лавра св. Илии» преподобным Илией в 1225 г. Базилианским он стал в начале XVII в., а закрыт в 1836 г. В дальнейшем в 1839 г. при Лавришевской церкви был устроен православный приход [6, 592 с.]. Церковь при греко-католическом монастыре под титулом Успения Пресвятой Богородицы была построена базилианами в 1775 г. из деревянного бруса на кирпичном фундаменте. По объемно-планировочной структуре она принадлежала к распространенному типу крестовой схемы построения, хотя и в упрощенном варианте без устройства центрального купола. Главный фасад «без каких-либо украшений» венчала четырехгранная башня, над которой возвышался шестерик [7]. Вторая башня располагалась над пресбитериумом с размещенной в ней сигнатурой. Башни и выступающие торцы боковых фасадов, в которых были размещены каплицы, завершали железные кресты. Планировочная структура усложнялась дополнительно пристроенными срубами бабинца и двух сакристий с обеих сторон от главного алтаря. По традиции монастырского храма в нем располагались каменные склепы для погребения умерших, а также два хора: музыкальный над бабинцем и для монахов, специально обустроенный в пресбитериуме за иконостасом [7].

Объемно-пространственная организация монастырского комплекса в Лавришево являлась характерной для католического зодчества. Она отличалась непосредственной связью храма с монастырем через сакристию. После многочисленных перестроек и изменений в 1870 г. монастырь приобретает окончательный вид одноэтажного сооружения из брусового дерева с низко опущенной и выступающей трехчастной крышей, опирающейся на 30 столбов, образующих своеобразную колоннаду. Кельи монахов, расположенные по сторонам продольного коридора, связывались с сакристией благодаря поперечному коридору [7] (рис. 1).

Монастырские храмы св. Троицы в Дарево Новогрудского уезда и Рождества Богородицы в Черлене имели общую схему объемно-пространственного построения. Она была характерна для сложившегося западноевропейского каменного зодчества, представляющего собой вытянутую базилику с двумя башнями в завершении главного фасада. Построенные из деревянных брусьев на каменном фундаменте, они соответствовали этому характерному для костелов облику и имели практически одинаковые между собой размеры.

Церковь св. Троицы Даревского монастыря была построена около 1750 г. Кроме двух башен, венчающих западный фасад, над пресбитериумом, обращенным на восток, располагалась сигнатура на двух столбах [8, л. 1]. Монастырское одноэтажное здание из деревянных брусьев было возведено в 1723 г. на средства Адама и Теофила Крживцов, столовничих Смоленских [8, л. 10]. Планировка монастырского комплекса была подобна Лавришевской. Монастырь в три линии одним своим концом был соединен с сакристией для

Ожешковская И.Н., ст. преподаватель кафедры теории и истории архитектуры Белорусского национального технического университета. Беларусь, БНТУ, 220013, г. Минск, пр. Независимости, 65.